

Гизатуллина Альбина Камилевна

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОСТЬ КАК СМЫСЛОВАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЭКСПРЕССИВНОСТИ В ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЭКСПРЕССИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ В ТАТАРСКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

Статья раскрывает особенности реализации экспрессивного синтаксиса татарского и французского языков, который активно исследуется в настоящее время. Экспрессивные возможности высказываний ярче проявляются тогда, когда они не только характеризуют явление, но и передают особое отношение к нему субъекта, усиливая изобразительно-выразительные особенности эмоционально-экспрессивных предложений. Эмоционально-экспрессивные предложения со значением изобразительной выразительности служат для реализации категории эмоциональной экспрессии на синтаксическом уровне в виде "обмена впечатлениями", рассказа о событиях.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/3-1/17.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 3 (33): в 2-х ч. Ч. I. С. 64-67. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

12. Семенюк Н. Н. Социальный аспект языка в историческом рассмотрении // Теория языка. Англистика. Кельтология / отв. ред. акад. М. П. Алексеев. М.: Наука, 1976. С. 97-101.
13. Степанов Г. В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М.: Наука, 1976. 224 с.
14. Тронский И. М. Вопросы языкового развития в античном обществе / отв. ред. и послесл. А. В. Десницкой. Изд-е 2-е, испр. М.: Едиториал УРСС, 2004. 208 с.
15. Чельшева И. И. Языковая ситуация во Франции XV в. // Функциональная стратификация языка / отв. ред. М. М. Гухман. М.: Наука, 1985. С. 201-218.
16. Ярцева В. Н. Об изменении диалектной базы английского литературного языка // Вопросы формирования и развития национальных языков: труды Института языкознания. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. X. С. 90-122.
17. Burnley D. The History of the English language: A source book. London – N. Y.: Longman, 1992. 373 p.
18. Bynon T. Historical Linguistics. Cambridge – London – N. Y. – Melbourne: Cambridge University Press, 1977. 301 p.
19. Chaucer J. The Canterbury Tales. London: Penguin Popular Classic, 1996. 352 p.
20. Langland W. Sir Gawain and the Green Knight. М.: Аграф, 2006. 336 с.
21. Smith J. J. The Use of English: Language Contact, Dialect Variation, and Written Standardisation during the Middle English Period // English in its Social Contexts. Essays in Historical Sociolinguistics / ed. by T. W. Machan, Ch. T. Scott. N. Y. – Oxford: Oxford University Press, 1992. P. 47-69.
22. Wakelyn M. F. English Dialects. An Introduction. London: The Athlone Press of the University of London, 1972. 207 p.

ARTISTIC STYLE – DISCOURSE – DIALECT

Vyshenskaya Yuliya Pavlovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Herzen State Pedagogical University of Russia
clemence_isaure@rambler.ru

The article considers the features of discourse theory regulations application to the study of the medieval literature works style. The attempt to analyze this phenomenon basing on the synthesis of views contained in ancient rhetoric and also their rethinking in the Middle Ages is undertaken. Special attention is paid to the dialect as a linguistic component of the style category, and the stylistic potential of dialecticisms use is analyzed.

Key words and phrases: style; rhetoric; dialect; corporativity of scientific cognition; literary idiom; technical and linguistic revolution.

УДК 801.37

Филологические науки

Статья раскрывает особенности реализации экспрессивного синтаксиса татарского и французского языков, который активно исследуется в настоящее время. Экспрессивные возможности высказываний ярче проявляются тогда, когда они не только характеризуют явление, но и передают особое отношение к нему субъекта, усиливая образительно-выразительные особенности эмоционально-экспрессивных предложений. Эмоционально-экспрессивные предложения со значением образительной выразительности служат для реализации категории эмоциональной экспрессии на синтаксическом уровне в виде «обмена впечатлениями», рассказа о событиях.

Ключевые слова и фразы: экспрессивный синтаксис; эмоционально-экспрессивные предложения; образительность; образные единицы.

Гизатуллина Альбина Камилевна, к. филол. н., доцент
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Albina27.3@mail.ru

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОСТЬ КАК СМЫСЛОВАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЭКСПРЕССИВНОСТИ В ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЭКСПРЕССИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ В ТАТАРСКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ©

В данной работе анализируются условия экспрессивизации языкового поведения говорящего в зависимости от задач, которые решает автор высказывания. «Точкой отсчета» для описания семантической сферы эмоциональной экспрессии было избрано коммуникативное намерение автора экспрессивного высказывания, которое описывается как в плане выражения, так и в плане содержания. Каждое экспрессивное коммуникативное намерение автора, иными словами, смысловая составляющая экспрессивности, выражается определенными лингвистическими и экстралингвистическими средствами.

Образное представление ситуации способно вызвать ответную эмоциональную реакцию адресата. Это объясняется психофизиологией чувств: представление об эмоциях неразрывно связано в сознании людей с их невербальными проявлениями, следовательно, актуализация эмоций спонтанно активизирует жестикуляцию, что

в целом повышает экспрессивность речевого выражения: чем выше эмоциональная вовлеченность субъекта речи в ситуацию общения, тем активнее жестикация и, следовательно, выше экспрессивность высказывания.

«Изобразительность» в семасиологии выступает в качестве семантической составляющей экспрессивных синтаксических единиц. Реализация изобразительности на синтаксическом уровне вызывает постоянный выразительно-изобразительный фон общения благодаря использованию экстралингвистических средств. Появление образных средств зависит от намерения говорящего их использовать в речевом акте.

Нам кажется принципиально важной мысль о том, что отношения между вербальным и кинестетическим кодами сообщения нельзя описать в терминах «первичное – вторичное». Они тесно взаимодействуют друг с другом, накладываются друг на друга, усиливая изобразительно-выразительные возможности эмоционально-экспрессивных предложений. Интерактивная функция кинестетических средств неразрывно связана с задачей самовыражения. Обе в конечном итоге направлены на достижение взаимопонимания и обеспечивают восприятие сказанного в определенном личностном ключе.

Под изобразительностью понимается «способность знаков (означающих) вызывать конкретные, индивидуальные представления о явлениях, которые они обозначают» [12, с. 45]. Изобразительность в нашем исследовании не отождествляется с образностью, однако включает его в свое семантическое поле [1]. Конкретность помогает зримо воспринимать звучащее или написанное слово. Чем речь нагляднее, конкретнее, тем легче коммуникантам понять друг друга, тем проще собеседнику представить себе описываемое положение дел [2; 7; 10; 11; 12; 14].

Степень прагматической эффективности является именно тем, что предопределяет выбор той или иной вербальной формы выражения интенции. Говорящий предпочитает те языковые средства, которые отличаются большей коммуникативной выразительностью, изобразительностью. «И самое главное – «заражение» (ответная реакция – А. Г.) возможно только при наличии фактора адресата» [13, с. 58].

Говорящий в состоянии эмоционального переживания выражает, прежде всего, и в этом нет никаких сомнений, свое отношение к окружающей его действительности. Следовательно, первичной функцией эмоционально-экспрессивных предложений, которые употребляются человеком в этом состоянии, является эмоциональное самовыражение. «Чистое» эмоциональное самовыражение встречается как в устной, так и письменной речи достаточно редко [5]. Причиной этому служит то обстоятельство, что даже сугубо личная эмоция, как правило, ищет слушателя. Практика показывает, что человек, испытывающий сильное эмоциональное потрясение, чаще всего ищет того, кто мог бы его выслушать, посочувствовать, разделить с ним его переживания.

Тем не менее, эмоциональное самовыражение все же встречается. По мнению К. А. Долинина, оно реализуется «в форме так называемой аутистичной речи – речи для себя, которая может совершаться и в отсутствие собеседника или может быть обращена к «квазисобеседнику» – собаке, кошке, лошади и т.д.» [6, с. 218]. Справедливой, на наш взгляд, является мнение В. И. Шаховского, который считает, что нет фактора адресата в междометных предложениях [13]. Это абсолютно верно в том случае, если последние рассматриваются изолированно, вне контекста. Однако, Г. В. Колшанский считает, что предложение всегда должно изучаться в контексте, так как большинство языковых единиц находится в связи с другими единицами и поэтому значения этих единиц часто могут раскрываться только благодаря этой связи [9].

Итак, экспрессивность высказываний зависит от объекта аффективной рефлексии: она повышается, если в фокусе внимания оказывается эмоциональное состояние говорящего или другого человека, о котором он рассказывает. Одна из экспрессивных макроинтенций может быть представлена в виде «**Хочу, чтобы ты представил наглядно ситуацию, как ее воспринял я**» (здесь и далее перевод автора – А. Г.).

Восхищение: – *Алайдимэ, жданый!.. Миллион километр очкан летчик ул. Миллионер* [4, б. 205]! / *Восхищение: – Не говори так, дорогой!.. Он летчик, который пролетел миллион километров. Миллионер!*

Осуждение: – **И балалар, балалар!** Бала һәркемгә газиз, кәрпенең дә баласы йомшак, карга баласы да ак [Там же, б. 34]... / *Осуждение: – Эх, дети, дети! Ребенок дорог каждому, и у ежа ребенок мягкий, и у вороны ребенок белый...*

Восхищение: – **Их, минем авылым!** Нинди ул матур [Там же, б. 45]! / *Восхищение: – Эх, моя деревня! Какая она красивая!*

Негодование: – **Folle! Vieille folle! Tu n'es qu'une misérable folle! Une furieuse** [15, р. 43]! / *Негодование: – Безумная! Старая дура! Ты только жалкая дура! Сердючка!*

Возмущение: – **Grosse bête!** Ce n'est plus le grenier de tante Judith. C'est mon grenier à moi [16, р. 35]. / *Возмущение: – Большое животное! Это уже чердак не тети Джудит. Это мой чердак.*

Ирония: – *O Monsieur, c'est moi qui suis la vraie Claudine... La vraie Claudine* [15, р. 226]! / *Ирония: – О Господин, это я настоящая Клодин... Настоящая Клодин!*

В большинстве случаев изображение фрагмента денотативной ситуации важно не только само по себе – оно позволяет адресату понять и прочувствовать отношение говорящего к описываемому положению дел. Автор преследует двуединую задачу: создать полноценно представление о предмете речи и передать свое отношение к нему. Данная макроинтенция предполагает изображение событий путем их показа, для чего обычно используются невербальные компоненты общения.

Способность образной единицы приводить к появлению в сознании собеседника ассоциаций, или эмоций, или третьего плана содержания, раскрытие которого ведет к пониманию интенционального замысла высказывания – обуславливает ее применение в целях экспрессивизации для выражения личностных смыслов говорящего. Прямое выражение эмоционально-оценочных смыслов, интенций побуждает рефлексии, но гораздо более сдержанную, и обладает незначительной воздействующей силой, ср.: *Ул куркты! Ул үлде курукууннан!! /*

Il a peur! Il est mort de peur!! / Он испугался! Он умер от страха!! Общее фоновое значение достигается благодаря скрытому образному сравнению («потерял способность к движению, как если бы он умер»).

Особенно ярко механизм воздействия образных средств демонстрируют экспрессивные высказывания, реализующие интенцию **«Представляешь наглядно, что...»**, которые часто выражаются глаголами: *karar-ga, kuzaldyna kiterergaz / regarder, imaginer / смотреть, представлять*. Образные средства пробуждают интенцию, которая затем выступает как отношение или понимание и сопровождается определенным чувством [3]. Использование мотивированных единиц помогает человеку отразить в высказывании собственное понимание и видение происходящего, соотносить свое восприятие со знаниями собеседника и с этой целью направить его внимание на определенные аспекты происходящего.

Восхищение: Төн тынлыгын куертын серле һәм экрен генә диңгез шаулы. Ниндиматур симфония [8, б. 546]! / Восхищение: Сзущая ночную тишину, тихо шумит море. Какая красивая симфония!

Восхищение: Их, донья, матур донья [4, б. 462]! / Восхищение: Эх, жизнь, красивая жизнь!

Одобрение: Кызык донья! Кем яклы? Нинди темага? Яклы алырмы? Темасы авырмы? Кирәкме? [Там же, б. 376]? / Одобрение: Интересная жизнь! Кто защищается? На какую тему? Сможет ли защититься? Сложная ли тема? Нужная ли?

Сожаление: – Vous ne savez pas comment s'est conclu ce mariage!.. s'écria Grevel. Ah! maudite vie de garçon [15, р. 225]! / Сожаление: – Вы не знаете, как этот брак был заключен!.. – воскликнул Гревель. Ах! Проклятая холостяцкая жизнь!

Сожаление: Ah mon Dieu! Quel malheur! Quel malheur [16, р. 271]! / Сожаление: О, Боже мой! Какое несчастье! Какое несчастье!

Страх: – Quelle horreur! Il faut le sortir de là [15, р. 345]? / Страх: – Какой ужас! Нужно его отсюда вывести!

Артистичность, наблюдательность – важные качества, благодаря которым речь человека становится наглядно-образной, выразительной. Для того, чтобы «изобразить» предмет, нужно суметь его увидеть в каком-то необычном ракурсе, уловить суть явления и передать ее в речи так, чтобы описываемое легко предстало перед внутренним взором адресата.

Важно подчеркнуть, что выбор объекта и характер его изображения во многом зависят от взгляда человека на мир, от его настроения, от речевой компетенции и актерских способностей. Реализация интерактивной цели невозможна без эмоционального самовыражения, поэтому дополнительным и очень важным моментом экспрессивизации, «обмена впечатлениями» считаем интенцию **«Говорю это, потому что хочу представить те вещи, которые случаются в жизни»**.

Восхищение: Чын кеше! Әнә сугышка ничек бара! Туйга барамыни [4, б. 543]. / Восхищение: Настоящий человек! Как на войну идет! Словно на свадьбу идет.

Возмущение: Вакчыл тәре! Юньле булсаң, сине хатының ташлап китмәс иде [Там же, б. 227]. / Возмущение: Мелочное создание! Был бы ты приличным, тебя бы жена не бросила.

Возмущение: Мөхәмәтшин өстәлне чөеп атардай булып, ярып, урындыгынан купты. – Кайчан?! Кичә?! Ну, маңкалай! Башын өзеп, ыштан кесәсенә тыкмасаммы [8, б. 554]! / Возмущение: Мухаметшин готов был опрокинуть стол, в ярости вскочил со стула. – Когда? Вчера? Ну, сопливый мальчишка! Ну, если я его голову не оторву и в карман его брюк не засуну!

Негодование: Folie!.. Elle ne va jamais nous laisser partir, pleurerait Idoménee [15, р. 335]. / Негодование: Безумие!.. Она никогда не позволит нам уйти, плакала Идоменей.

Восхищение: – Ve! quelle belle fille! dans tout Paris on n'en trouverait pas la pareille [16, р. 227]! / Восхищение: – Ах! Какая красивая девочка! Во всем Париже не найдешь такой!

Восхищение: Comment te trouvez-vous, aujourd'hui? – Adorable [15, р. 117]! / Восхищение: Как вы меня находите, сегодня? – Очаровательной!

Анализ средств изобразительности в условиях канонической речевой ситуации позволяет сделать вывод, что эмоционально-экспрессивные предложения обладают постоянным выразительно-изобразительным фоном. Они передают информацию, важную для достижения взаимопонимания коммуникантов, о психофизиологическом, эмоциональном состоянии субъекта денотативной или коммуникативной ситуации, об отношении говорящего к описываемому положению дел; помогают субъекту речи как бы заново пережить произошедшее с ним или с кем-то другим события, а собеседнику – адекватно их воспринимать.

В заключение, возвращаясь к тезису о важной роли паралингвистических средств в обеспечении изобразительности спонтанного диалога, заметим, что активизация невербального сопровождения зависит от ситуации непосредственного контакта, от эмоционального состояния говорящего и от его способности к вербализации. Использование образно мотивированных единиц помогает человеку отразить в высказывании собственное понимание и видение происходящего, соотносить свое восприятие со знаниями собеседника и с этой целью направить его внимание на определенные аспекты происходящего через экспликацию мотивирующего основания.

Список литературы

1. Азнаурова Э. С. Прагматика художественного текста. Ташкент: Фан, 1988. 123 с.
2. Александрова О. В. Проблемы экспрессивного синтаксиса (на материале английского языка): учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1984. 211 с.
3. Богин Г. И. Риторические средства в синтаксисе и современные представления о рефлексии // Риторика и синтаксические структуры: тез. краев. науч.-практ. конф. / под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1988. С. 17-21.

4. Гыйләжев А. Хикәяләр. Повестьлар // Әсәрләр: 4 т. Казан: Тат. кит. нәшр., 1994. Т. I. 573 б.
5. Дементьев В. В., Седов К. Ф. Социопрагматический аспект теории речевых жанров: учеб. пособие. Саратов: Изд-во Саратовского пед. ин-та, 1998. 107 с.
6. Долинин К. А. Стилистика французского языка. М.: Просвещение, 1987. 300 с.
7. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982. 368 с.
8. Ибраһимов Г. Безнең көннәр: роман // Сайланма әсәрләр: 3 т. Казан: Тат. кит. нәшр., 1956. Т. III. 611 б.
9. Колшанский Г. В. Контекстная семантика. М.: Наука, 1980. 149 с.
10. Попова И. М. Принципы изображения истории в романистике Е. В. Максимова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 12. Ч. 2. С. 170-173.
11. Постникова Е. А. Художественный образ в сравнении со смежными понятиями филологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 1. Ч. 1. С. 147-150.
12. Харченко В. К. Экспрессивное словоупотребление и контекст // Вопросы структуры предложения. Ульяновск, 1983. С. 42-47.
13. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж, 1987. 192 с.
14. Шинкарева Н. Ю. Образные и мотивные переключки в лирике Вяч. И. Иванова и Н. А. Павлович // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 1. Ч. 2. С. 209-212.
15. Savanna. Coeur d'artichaut. Paris: Albin Michel, 1995. 396 p.
16. Chambaz V. L'orgue de Barbarie. Paris: Seuil, 1995. 287 p.

FIGURATIVENESS AS SEMANTIC COMPONENT OF EXPRESSIVITY IN EMOTIONAL AND EXPRESSIVE SENTENCES IN TATAR AND FRENCH LANGUAGES

Gizatullina Al'bina Kamilevna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Kazan (Volga Region) Federal University
Albina27.3@mail.ru

The article reveals the features of the implementation of expressive syntax of the Tatar and French languages, which has been actively studied at present. The expressive possibilities of statements appear brighter when they not only characterize the phenomenon, but also convey a special attitude of the subject, intensifying the figurative-expressive features of emotionally-expressive sentences. Emotionally-expressive sentences with the meaning of figurative expressivity are used to implement the category of emotional expression on the syntactic level in the form of «exchange of experiences», the story about the events.

Key words and phrases: expressive syntax; emotionally-expressive sentences; figurativeness; figurative units.

УДК 81-119

Филологические науки

В работе рассматриваются структуры, влияющие на формирование концептуальной системы человека и категории, сформированные на основе подобных структур. Представлен класс «вещи, которые невозможно совершить» в осетинском языке, образованный на основе идиом. В ходе анализа рассматриваемого материала проявляется роль некоторых концептов при формировании системы категорий человека. Подобные концепты влияют на формирование представлений человека об окружающем мире не только посредством выражения своих внутренних признаков, но и на основе фиксации отношения некоторого объекта к определенному классу.

Ключевые слова и фразы: концептуальная система; категории; базовый уровень; категориальный признак; когнитивный классификатор; гештальт; осетинский.

Гогичев Чермен Герсанович, к. филол. н.
Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова
chgo@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ МЕХАНИЗМАХ ФОРМИРОВАНИЯ КАТЕГОРИЙ СОЗНАНИЯ©

Концептуальная система, формирующаяся на основе представлений человека об окружающем мире, представляет собой разветвленную, иерархически организованную структуру. На базовом уровне располагаются чаще всего естественные категории (явления окружающего мира). Как правило, категории базового уровня отражают разнообразные признаки, выделяемые на первичном уровне восприятия объекта. В концепции Н. Д. Арутюновой рассмотрены особенности первичного выделения объектов на базовом уровне, при котором фиксируются, прежде всего, внешние признаки объектов, а также вкус, цвет или запах: «Человек (в отличие от многих животных) отождествляет окружающие его объекты прежде всего по визуально воспринимаемым признакам» [2, с. 11].

Исследования концептов и категорий, как правило, посвящены базовым структурам, отражающим явления окружающего мира, таким как «хлеб» (Г. Гессе), «стол», «животное», «совесть» и т.д. Но, помимо классов указанного характера, существует огромное количество категорий, «сконструированных» самим человеком, таких как «легко сгибающиеся вещи», «беззащитные вещи» в осетинском языке. О подобных структурах